

© 2008 г.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О М. РАКОШИ

Ниже приведенный материал, впервые публикуемый в России, – запись беседы венгерских представителей – членов ЦК ВСРП Д. Ацела и Ш. Ногради с бывшим венгерским руководителем Матиасом (по-венгерски Матяшем) Ракоши, находившимся после событий 1956 г. в фактической ссылке в Советском Союзе. Встреча состоялась в августе 1960 г. в г. Краснодаре. Документ точно передает перипетии политической борьбы в Венгрии до и после трагической осени 1956 г., показывает сложные взаимоотношения в венгерской коммунистической иерархии того времени. Это – своеобразное зеркало прошлой эпохи. Любопытно и то, что запись была сделана В.А. Крючковым, тогда ответственным сотрудником Отдела ЦК КПСС, позднее ставшим помощником Ю.В. Андропова, руководителем его секретариата, затем начальником Первого главного управления КГБ, а на последнем отрезке существования Советского Союз – председателем КГБ.

Несколько слов об истории пребывания Ракоши (1892–1971) в России и Советском Союзе. Матиас Ракоши (настоящая фамилия Розенфельд, имя Ракоши принял в 1904 г.) находился в нашей стране неоднократно, а на длительные сроки приезжал четырежды. В первый раз он находился в России с 1915 г., когда попал в русский плен на фронте, и до апреля 1918 г., тогда он из революционного Петрограда как коммунист выехал на родину. После разгрома Венгерской Советской Республики 1919 г., в деятельности которой Ракоши принимал активное участие, с лета 1920 г. по ноябрь 1924 г. работал в Москве в Коминтерне, выезжая по его заданию в различные европейские страны. В 1921 г. его избрали секретарем Исполкома Коминтерна. В конце 1925 г. Ракоши, находившийся на нелегальном положении в Венгрии, был арестован, осужден и отбывал 16-летнее тюремное наказание за коммунистическую деятельность. По инициативе Москвы предпринимались настойчивые международные усилия по его освобождению. В конечном счете Ракоши в обмен на знамена венгерской революции 1848–1849 гг., захваченные в качестве трофеев царской армией, 30 октября 1940 г. был выпущен на свободу и в начале ноября того же года прибыл в Советский Союз. 7 ноября 1940 г. во время парада и демонстрации трудящихся на Красной площади находился на трибуне мавзолея вместе с И.В. Сталиным. С конца 1940 г. до января 1945 г. проживал в нашей стране, возглавлял работу зарубежных органов Коммунистической партии Венгрии (КПВ). Во время Великой Отечественной войны участвовал в антифашистской деятельности, в частности в радиопропаганде на Венгрию, выезжал на фронт и по линии Главпура Красной Армии проводил разъяснительную работу среди венгерских военнопленных. Направлял работу по подготовке послевоенной программы компартии Венгрии. В декабре 1944 г. перед возвращением в освобожденные Красной Армией районы Венгрии принимал участие в переговорах с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым относительно образования Национального Собрания и правительства Венгрии.

Возглавляя с 1945 г. компартию, а затем, после объединения коммунистов и социал-демократов, – Венгерскую партию трудящихся (ВПТ), играя ведущую роль в различных составах правительства, а в 1952–1953 гг. заняв также пост премьер-министра, Ракоши имел непосредственное отношение к проведению всех политико-экономических преобразований Венгрии и формированию ее внешней политики в 40–50-е годы,

иными словами к созданию государства диктатуры пролетариата в форме так называемой народной демократии. С его именем связаны не только наказание военных преступников, возвращение на родину венгерских военнопленных, слом старой государственной машины, проведение земельной реформы, приход коммунистов к власти, культурная революция, но и осуществление форсированной индустриализации страны, насильственная коллективизация сельского хозяйства, рост военных расходов, снижение уровня жизни, зажим внутрипартийной демократии, ограничение прав и свобод граждан, широкомасштабные репрессии, организация противозаконных судебных процессов против политических оппонентов. В частности, на основе ложных обвинений были казнены видный деятель КПВ и ВПТ, министр иностранных дел Л. Райк, ряд генералов Венгерской Народной армии, приговорены к длительным срокам тюремного наказания видные коммунисты и социал-демократы. Преследованиям подвергались церковные деятели, в частности, был организован судебный процесс против кардинала Й. Миндсенти. Власть была сконцентрирована в руках Ракоши и его ближайших сторонников – Э. Гере, М. Фаркаш, Й. Ревая. Через них шли контакты с Кремлем. После смерти Сталина, чьим "лучшим учеником в Венгрии" считался Ракоши, новое советское руководство летом 1953 г. потребовало от него внести изменения в политику, отдать пост главы правительства И. Надю, который начал проводить "новый курс". Однако Ракоши как опытному политику удалось к 1955 г. восстановить свои позиции в Политбюро и с помощью Москвы добиться отстранения И. Нады и даже его исключения из партии. Но дни правления Ракоши были сочтены. В стране и партии нарастало недовольство, назревали перемены, общественность требовала дать оценку прежней политике, исправить допущенные ошибки, провести реабилитацию невинно осужденных, а высшее руководство ВПТ во главе с Ракоши всему этому противилось. Особенно нетерпимой обстановка стала после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС об ошибках и преступлениях Сталина, а также после известных событий в 1956 г. в Познани (Польша). К июлю 1956 г. Президиум ЦК КПСС с опозданием пришел к выводу, что в Венгрии требуются перемены, иначе разразится кризис. А.И. Микоян, направленный в Будапешт, на месте убедился в том, что замена Ракоши давно назрела и в беседах с членами венгерского Политбюро он инициировал вопрос об освобождении Ракоши на Пленуме ЦК, который состоялся 18 июля 1956 г., с поста Первого секретаря ЦК и члена Политбюро. Во время предварительной встречи с Микояном Ракоши согласился с данным предложением. Первым секретарем был избран Э. Гере. 26 июля Ракоши вместе со своей женой, советской гражданкой, якуткой по национальности Ф.Ф. Корниловой (они были женаты с 1942 г.) вылетел в Москву "для лечения". Это было сделано по просьбе ЦК ВПТ и с согласия ЦК КПСС. Визит превратился в ссылку, длившуюся до 1971 г. Руководство ВПТ, а позже и ВСРП было против возвращения "Матвея" (так его звали в советских партийных кругах) на родину по политическим причинам. В сентябре 1956 г. Политбюро ЦК ВПТ высказалось против возвращения Ракоши в Венгрию и рекомендовало ему остаться в СССР на срок не менее года. Тогда же ЦК КПСС дал согласие на дальнейшее пребывание Ракоши в Советском Союзе. Во время венгерского восстания в октябре – ноябре 1956 г. Ракоши проживал в Москве. В своих мемуарах он писал, что его дважды из санатория Барвиха привозили на заседания Президиума ЦК КПСС, когда вечером 23 октября рассматривался вопрос о первом вводе советских войск в Будапешт и затем, когда в конце октября – начале ноября обсуждался вопрос о замене правительства И. Нады, создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства и новой массовой интервенции советских войск. Ракоши высказался за военное вмешательство и образование нового правительства, даже поддержал кандидатуру Я. Кадара, но в то же время предлагал полнее опираться на старых руководителей. Собирался и сам вернуться домой, однако не получил поддержки в Москве и Будапеште¹.

¹ Rákosi M. Visszaemlékezés. 1940–1956, 2. k. Budapest, 1997, 1032–1036 old.

Позднее Ракоши пытался влиять на события в Венгрии, предпринимал попытки вернуться к политической деятельности. Но терпимое отношение к нему изменилось после образования правительства Я. Кадара, вооруженного разгрома восстания и определения в ходе анализа событий в качестве одной из главных причин контрреволюции, как тогда говорили, сектантско-догматических ошибок и преступлений прежнего руководства. В официальных заявлениях прямо говорилось о преступлениях "клики Ракоши – Гере". Естественно, Ракоши не был с этим согласен. Весной 1957 г. ЦК КПСС, исходя из просьбы Кадара, нового руководителя правящей партии – ВСРП, принял решение об устройстве Ракоши в г. Краснодаре, поскольку свое пребывание в Москве он использовал для вмешательства в политическую жизнь Венгрии и подрыва единства партии. В решении ЦК КПСС от 18 апреля 1957 г., в частности, указывалось, что М. Ракоши "не осознал существа своих прошлых ошибок и огромного вреда, причиненного этими ошибками как делу строительства социализма в Венгрии, так и интересам всего социалистического лагеря и международного коммунистического движения", что "свой личный престиж М. Ракоши поставил выше интересов партии и страны, стал в оппозицию к новым руководителям партии и венгерского государства, продолжая все еще претендовать на роль руководителя в стране, которую он безвозвратно утратил". В решении отмечалось, что Ракоши "неправильно понял проявленную по отношению к нему со стороны ЦК КПСС товарищескую заботу и злоупотребляет оказанным ему гостеприимством"². В решении также говорилось, что "ЦК КПСС полностью разделяет точку зрения ЦК ВСРП о том, что приезд М. Ракоши в Венгрию является не только нецелесообразным, но и политически вредным для дела партии и укрепления ее связей с массами". Таким образом, по решению партийных органов Советского Союза, которые исходили из просьбы "братской партии" – ВСРП, без судебных постановлений или решений Президиума Верховного Совета СССР иностранный гражданин М. Ракоши в течение ряда лет удерживался в нашей стране, в ссылке, под негласным надзором органов госбезопасности. Формально контакты с Ракоши поддерживал работник КГБ под видом сотрудника аппарата Президиума Верховного Совета СССР.

В Краснодаре Ракоши проживал до осени 1962 г., в этот период он продолжал предпринимать действия, фактически направленные против Кадара и нового руководства партии, направлял жалобы видным зарубежным партийным деятелям. Несколько раз предпринимал попытки без ведома руководства Венгрии приехать в Москву для встречи с руководителями других братских партий и своими единомышленниками из числа венгерских граждан.

Для его поведения было характерно то, что он отвергал предложения дать критическую оценку своей деятельности на посту руководителя ВПТ, заявляя, что он "лишь выполнял указания Сталина". Свои взаимоотношения с "вождем народов" оценивал, как отношения секретаря обкома партии с генеральным секретарем, подчеркивал, что допущенные ошибки начал исправлять еще до XX съезда КПСС, утверждал, что при нем в Венгрии, дескать, все было в порядке, а вот уехал он из страны – случилась контрреволюция. При этом Ракоши выдвигал различные предложения, например, о том, чтобы дать ему возможность публично ответить на критику, выступить с объяснением своей позиции. В 1957, 1958 и 1960 гг. ЦК ВСРП неизменно принимал решения о нежелательности возвращения Ракоши в Венгрию, хотя в 1960 г. его соратнику Э. Гере, который также после событий 1956 г. проживал в Москве, был разрешен въезд в Венгрию.

В 1961 г. руководство ВСРП создало специальную комиссию для рассмотрения дела Ракоши и других руководителей и на основании ее доклада в августе 1962 г. Пленум ЦК принял решение об исключении Ракоши и Гере из партии. При этом было отмечено, что Ракоши "противостоит генеральной линии партии и ее Центральному Комитету". Информировав об этом Москву, венгерские партийные власти просили "наметить для

² Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Постановления 1954–1958. М., 2006, с. 622.

М. Ракоши другое место пребывания, в менее оживленном месте, где его возможности осуществлять свои недоброжелательные попытки будут еще уже, чем сейчас", а также "понизить жизненный уровень М. Ракоши до среднего уровня, обеспечивающего нормальные условия человека, находящегося на пенсии". В соответствии с этой просьбой был решен вопрос о переводе Ракоши на жительство в г. Токмак, в Киргизии, где он жил в доме без особых удобств, ходил за водой на колодец.

В ноябре 1964 г. после отставки Н.С. Хрущева Я. Кадар, подняв в беседе с Л.И. Брежневым вопрос о Ракоши, отметил наличие полного единства между Будапештом и Москвой по вопросу об оценке личности и роли М. Ракоши, но упомянул, однако, что ранее в этом вопросе имели место разногласия. Кадар имел в виду то, что весной 1957 г. отдельные советские деятели (К.Е. Ворошилов, М.А. Суслов и др.) пытались уговорить его, Кадара, вернуть Ракоши в Венгрию.

Проживая в Киргизии, Ракоши продолжал направлять в адрес руководства КПСС письма с просьбой разрешить ему выехать в Москву для решения вопроса о прекращении "незаконной ссылки", о выезде "в другую социалистическую страну". В мае 1965 г. было перехвачено письмо Ракоши в адрес китайского посольства в Москве с просьбой о предоставлении ему политического убежища в Китае. Дело в том, что китайцы еще в 1954 г. приглашали Ракоши посетить Китай. ЦК КПСС не хотел заниматься просьбами Ракоши, все его обращения переадресовывались в Будапешт.

Принимая во внимание жалобы Ракоши на климатические и жилищно-бытовые условия и на ухудшение здоровья ему сначала улучшили условия проживания в Токмаке, а затем вместе с супругой с согласия руководства ВСРП осенью 1966 г. перевели на жительство в г. Арзамас Горьковской области. Несколько раз ему выделялись путевки для санаторного лечения в Киргизии и на Северном Кавказе. В ходе беседы на высшем уровне в Москве в феврале 1967 г. Кадар просил не предпринимать в отношении Ракоши ничего без согласования с ВСРП, так как создана специальная комиссия для решения вопроса во всем комплексе. Брежнев сказал, что вопрос о Ракоши не представляет особых забот для КПСС.

В течение 1967 г. Ракоши продолжал направлять в различные адреса письма и телеграммы с настоятельными просьбами "прекратить ссылку", разрешить ему приехать в Москву для приема в ЦК КПСС, вернуть его в Венгрию. В декабре 1967 г. Ракоши вместе с супругой был разрешен переезд на жительство в г. Горький.

В январе 1968 г. в Советский Союз для беседы с Ракоши приезжали секретарь ЦК ВСРП Д. Ацел и заведующий Общим отделом ЦК ВСРП И. Шандор. На этой встрече Ракоши вновь высказал просьбу вернуть его в Венгрию, заявив, что он не собирается заниматься политической деятельностью, хотя и поддерживает политику партии. Он также сказал, что намерен продолжать писать мемуары. Все это было подтверждено Ракоши в письменном виде.

В июне 1968 г. член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП З. Комочин в беседе с секретарем ЦК КПСС К.Ф. Катушевым сообщил, что Политбюро ЦК ВСРП приняло в принципе решение о возвращении Ракоши на родину в 1969 г. после празднования 50-летнего юбилея Венгерской Советской Республики. (В марте 1969 г. Пленум ЦК ВСРП принял решение разрешить ему вернуться на родину, поручив Политбюро определить конкретные сроки приезда.) З. Комочину был дан ответ, что вопрос о Ракоши целиком относится к компетенции венгерской стороны и возвращение его в Венгрию в данном случае не представляет никакого исключения. Позднее венгры сообщили в Москву, что решение вопроса о Ракоши было отложено из-за известных чехословацких событий.

В 1969–1970 гг. Ракоши продолжал направлять письма руководству Советского Союза с просьбой поставить вопрос перед ЦК ВСРП о его возвращении в Венгрию.

В апреле 1970 г. Пленум ЦК ВСРП по докладу Кадара подтвердил свое прежнее решение о возвращении Ракоши в Венгрию "в ближайшие недели". При этом было отмечено, что Ракоши уже практически не может принести вреда партии и государству. Было также подчеркнуто, что он дал обещание не заниматься политической деятель-

ностью. В Будапеште, в XI районе, был подготовлен небольшой дом для его проживания. Но позиция венгерского партийного руководства оставалась довольно жесткой: очевидно, старого, больного Ракоши по-прежнему боялись.

В ходе встречи Ракоши с венгерскими представителями Я. Борбанди и С. Харангозо в Москве 18 мая 1970 г. ему было предложено подписать заявление в адрес Будапештского управления полиции, в котором он дал бы согласие на некоторые ограничения, в частности, касающиеся его контактов с дипломатическими миссиями иностранных государств в Будапеште, встреч с корреспондентами, участия в публичных мероприятиях и т.п. Ракоши отказался подписать такое заявление, высказав мнение о том, что в этих условиях ему лучше остаться на постоянное жительство в СССР. По возвращении в Горький он направил письмо Кадару с просьбой не связывать его возвращение со столь строгими условиями. В ноябре 1970 г. ЦК ВСРП подтвердил прежнюю позицию о том, что возвращение на родину возможно только в случае подписания Ракоши определенных обязательств.

С 27 ноября Ракоши был госпитализирован в областную больницу в Горьком. В январе 1971 г. ему была сделана операция на почке. Для консультаций по состоянию его здоровья из Москвы приглашались авторитетные специалисты 4 Главного управления Минздрава СССР. Однако 5 февраля 1971 г. после тяжелой и продолжительной болезни Ракоши скончался на 79 году жизни в больнице в г. Горьком. Урна с его прахом была перевезена в Венгрию работником венгерских органов госбезопасности и захоронена на кладбище Фаркашрети в Будапеште. Как говорилось в информации для Политбюро ЦК ВСРП, похороны прошли в присутствии родственников без всяких сложностей. Вдова Ракоши Ф.Ф. Корнилова осталась жить в Москве, умерла она в 1979 г.

После кончины Ракоши оставался один открытый вопрос – его мемуары, их содержание. В ЦК КПСС и в КГБ (Председателем КГБ в то время был Ю.В. Андропов, хорошо знавший Ракоши) проявляли интерес к тому, что написал Ракоши о советско-венгерских отношениях, своих связях со Сталиным и другими советскими руководителями, каково было его мнение о политике Советского Союза. Поскольку было известно, что Ракоши работал над мемуарами, сам печатал их на машинке "Эрика", обращался в архивы за материалами, запрашивал книги, справочники, то вдове Ракоши и ее сыну от первого брака Л.А. Пахомову (в тот период проректор по хозяйственной части Института им. Г.В. Плеханова) было предложено передать мемуары в ЦК КПСС. При этом было дано обещание предоставить вдове квартиру и решить вопрос о повышенной пенсии (эти обещания, кстати сказать, были выполнены). С согласия матери Л.А. Пахомов 9 февраля 1971 г. в здании ЦК на Старой площади передал материалы, над которыми работал Ракоши – всего 2739 машинописных и рукописных страниц, представителям ЦК – заместителю заведующего Отделом ЦК КПСС Г.А. Киселеву, зав. сектором того же Отдела А.Г. Оборотову (в венгерских публикациях его ошибочно называют работником Общего Отдела ЦК) и сотруднику КГБ А.В. Морозову. Была достигнута договоренность, что если мемуарами будут интересоваться другие родственники или официальные венгерские органы, то надо отклонять всякие просьбы и говорить, что вдове Ракоши еще требуется время для изучения рукописей мужа³. В ЦК КПСС был срочно организован перевод текста мемуаров. Конечно, мемуары представляли собой неоконченную и неотредактированную работу, с повторами и пропусками. Обращали на себя внимание и следы работы ножницами на некоторых страницах, где шла речь о серьезных вещах вроде роли отдельных венгерских политиков, включая Кадару, в развитии обстановки в стране перед мятежом и после него, личной ответственности Ракоши за нарушения законности, организацию судебного процесса над Л. Райком, влияния Сталина и Л.П. Берии в этих делах, хотя автор утверждает, что Сталин не настаивал на смертном приговоре Л. Райку, полагая, что этот вопрос надо решить в зависимости от хода процесса и международных откликов.

³ *Rákosi M. Op. cit., XX old.*

На вопросы представителей ЦК относительно состояния текста и пропуска отдельных мест Л.А. Пахомов сообщил, что Ракоши многое переделывал, возвращался к отдельным вопросам, что-то вымарывал, но что семья ничего не изымала из его текста.

В ЦК КПСС текст мемуаров Ракоши сочли интересным в историческом и политическом плане. Ничего особо опасного, в смысле критики политики КПСС и Советского Союза, не было найдено, но публикацию посчитали нецелесообразной. Текст остался на хранении в Общем Отделе ЦК КПСС, фотокопия была передана в архив Института марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. Брежнев намеревался лично передать Кадару текст мемуаров во время визита советской партийно-правительственной делегации в Венгрию в ноябре 1972 г., была даже изготовлена металлическая капсула с фотокопией. Но почему-то передача не произошла – то ли Брежнев не захотел, то ли просто забыл, то ли Кадар не поинтересовался этим вопросом. Во всяком случае, у меня остались такие впечатления об этом, поскольку мне довелось выполнять функции переводчика Генерального секретаря ЦК КПСС во время данного визита. Позднее фотокопия мемуаров якобы все-таки была передана венгерской стороне, но следов в архивах бывшей ВСРП исследователи не находят. Официально брат Ракоши – Ференц Биро получил от Росархива мемуары своего родственника в 1996 г. после того, как МИД Венгрии обратился в Москву по этому вопросу. В Венгрии два тома воспоминаний Ракоши, охватывающие период с 1940 по 1956 гг., были изданы в 1997 г. В своих мемуарах Ракоши кратко рассказывает и о встрече в Краснодаре, полемизируя с представителями ВСРП.

В.Л. Мусатов,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН,
Чрезвычайный и Полномочный посол.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

члена ЦК ВСРП, заместителя министра культуры ВНР Дьердя Ацела и члена ЦК ВСРП, председателя Центральной партийной контрольной комиссии Шандора Ногради с Матиасом Ракоши, состоявшейся 10 августа 1960 г. в помещении Краснодарского крайкома КПСС.

По поручению Отдела ЦК КПСС сопровождал т.т. Ацела и Ногради в их поездке в г. Краснодар для встречи и беседы с М. Ракоши. Еще в Москве во время беседы с т. Андроповым венгерские товарищи просили, чтобы сопровождающий их сотрудник аппарата ЦК КПСС присутствовал на беседе с М. Ракоши.

До встречи с Ракоши венгерские товарищи решили побеседовать с главным врачом клиники, где проходит лечение Ракоши. Их пожелание было удовлетворено. По словам главного врача тов. Микулевича, состояние здоровья М. Ракоши удовлетворительное, если принять во внимание его 69-летний возраст. Все болезненные явления – симптомы гипертонии, расстройства сердечной деятельности и некоторые другие носят возрастной характер. Врач подчеркнул работоспособность Ракоши, который много читает, пишет. Особых жалоб на состояние здоровья со стороны Ракоши не поступало. Он лишь указывал на трудности, вызываемые тем, что ему волей-неволей постоянно приходится выполнять переводческие функции, так как основные сообщения он черпает из русских газет и советского радио. Как выразился врач, Ракоши больше мучает не состояние здоровья, а "душевная боль, тоска по родине".

Еще до беседы с врачом венгерские товарищи долго обсуждали вопрос о том, в каком месте лучше встретиться с Ракоши. От поездки в гор. Геленджик, где проводит лето Ракоши, они отказались еще в Москве, поэтому Ракоши был вызван в Краснодар. По приезде в г. Краснодар венгерские товарищи сначала решили встретиться с Ракоши на его городской квартире, имея в виду создать обстановку для более открытой и спокойной беседы. Однако в последний момент они отказались от своего

первоначального намерения и попросили краснодарских товарищей организовать встречу с Ракоши в крайком партии.

Беседа началась в 15 ч. 20 м. и продолжалась без перерыва до 22 ч. 30 м., т.е. более 7 часов. Товарищи Ацел и Ногради заметно волновались перед встречей с Ракоши, говорили, что на их долю выпало неприятное поручение. Тов. Ногради опасался того, что из-за беспокойного характера Ракоши беседа может с самого начала принять резкий оборот и из нее вообще ничего не выйдет. Я еще раз поинтересовался относительно целесообразности моего присутствия на беседе, однако венгерские товарищи попросили быть на беседе до конца.

При появлении Ракоши т.т. Ацел и Ногради встали, но поздоровались с ним довольно сдержанно, даже холодно. М. Ракоши тоже волновался, однако быстро справился с волнением. Сразу же беседа приняла острый, полемический характер, причем инициатива все время была в руках Ракоши. Достаточно сказать, что свыше 6 часов говорил он и, может быть, только немногим более 30 минут Д. Ацел и Ш. Ногради. Спор часто переходил от одного вопроса к другому. Несколько раз Ракоши повторялся. От обсуждения некоторых вопросов т.т. Ацел и Ногради уходили сами.

Ракоши обратил внимание на состав приехавших к нему товарищей. Приезд для беседы председателя Центральной партийной контрольной комиссии, заметил Ракоши, делает для него понятной цель этого посещения. Венгерские товарищи ответили, что они прибыли для встречи с ним исключительно как члены ЦК, чтобы по поручению ЦК ВСРП выслушать его. Ракоши сказал, что тогда они напрасно приехали в Краснодар, так как объективные условия для разбора его дела могут быть созданы только в Венгрии, поэтому и выслушивать его следовало бы только там. Венгерские товарищи ответили Ракоши, что признано целесообразным выслушать Ракоши здесь, в Краснодаре. Ракоши выразил сожаление по поводу своей неподготовленности к беседе, сославшись на то, что не знал об их приезде и тем более о целях этого посещения.

Ракоши сказал, что прежде всего он требует прекращения неслыханной ссылки и предоставления ему возможности возвращения на родину. Он сослался на состояние здоровья, которое ухудшилось в последнее время, а также на невозможность в условиях провинциального города Краснодара получить необходимую медицинскую помощь. В связи с сообщением венгерских товарищей об их беседе с врачом и высказанным ими мнением о высоком уровне медицинского обслуживания в Краснодаре, начал приводить доводы в подтверждение своего требования. Он сослался на высокую квалификацию врачей, ранее лечивших его в Будапеште, хорошо знающих его историю болезни и вообще на несравнимую с краснодарскими условиями медицинскую помощь, которую он может получить в Будапеште, хотя бы потому, что последний является столицей государства, а Краснодар – одним из многих провинциальных городов. Ракоши особенно подчеркнул, что у него много сил отнимает невенгерская обстановка, постоянно приходится пользоваться русскими газетами, советским радио, сообщения из Венгрии получает поздно. Он лишен возможности нормально получать иностранные газеты – английские, французские, немецкие и итальянские. На замечание венгерских товарищей он сказал, что ЦК ВСРП действительно посылает ему иностранные газеты, однако они приходят к нему пачками – по 15–20 газет сразу, т.е. с опозданием почти на месяц. Ракоши сказал, что ему крайне необходимы библиотеки с литературой довоенного и военного периода некоторых стран. Однако в краснодарских библиотеках такой литературы нет, т.к. она была уничтожена во время войны. Ракоши сказал, что он отказывается понимать нынешнее руководство ВСРП, упорно не желающее предоставить ему возможность вернуться на родину.

По словам Ракоши, он считает своим партийным долгом, обязанностью написать подробную историю коммунистического движения в Венгрии, так как является единственным руководителем компартии страны со дня ее основания, оставшимся в живых. В настоящее время Ракоши усиленно работает над своими мемуарами и уже подготовил 4 тома, которые охватывают период до 1945 года, т.е. до освобождения страны Советской Армией. Для работы над дальнейшим периодом ему нужны документы,

имеющиеся в архивах венгерской партии. Если в подготовке мемуаров до периода освобождения страны Ракоши в основном опирался на свою память, то для воспроизведения событий из истории партии последних 15 лет нужны документы.

Тов. Ацел спросил Ракоши, нельзя ли познакомиться с первыми написанными 4-мя томами автобиографии. Ракоши, улыбаясь, ответил, что они слишком трудноваты для чтения, т.к. испещрены его многочисленными пометками.

Ракоши подчеркнул, что в положительном решении вопроса о его возвращении на родину заинтересован не только сам Ракоши, но этого требуют, прежде всего, интересы венгерской партии, интересы КПСС и всего мирового коммунистического движения. Бела Кун, продолжал Ракоши, умер в Советском Союзе и нельзя допустить, чтобы и он, Ракоши, тоже умер в Советском Союзе. Венгерские события, дело Ракоши получили широкий отклик в мировом коммунистическом движении. Помимо этого, Ракоши лично знают в Англии, Италии, во Франции. В одном из писем, полученных Ракоши, его, например, спрашивали, не дезертировал ли он из международного коммунистического движения. Если же взять, сказал Ракоши, венгерскую партию, то он является своего рода занозой в ее теле, удаление которой лишь оздоровит партию, очистит ее от грязи, которую на нее намели за последние годы.

Венгерские товарищи поинтересовались, в чем конкретно выражается его просьба. Ракоши ответил, что он настаивает на объективном разборе обвинений, выдвинутых против него. Поступая таким образом, он исходит из интересов партии – Венгерской партии трудящихся, честь которой была запятнана в глазах венгерского и мирового коммунистического движения. Венгерская социалистическая рабочая партия в результате этого процесса только выиграет.

Товарищи Ногради и Ацел заметили, что последний съезд ВСРП был седьмым по счету, таким образом, преемственность между ВПТ и ВСРП очевидна. Тем более, возразил Ракоши, следует снять с ВПТ не обоснованно возведенные на нее обвинения и тем поднять честь самой ВСРП.

Венгерские товарищи заметили, что предлагаемый Ракоши путь ведет к открытой дискуссии, вовсе нежелательной при нынешней обстановке в стране. На это Ракоши сказал, что напрасно они считают его наивным человеком, т.к. он понимает, что ни одна коммунистическая партия в мире не в состоянии выдерживать каждые пять лет коренных переворотов в своей политике. Речь идет, пояснил он, о создании комиссии, которая обсудила бы вместе с Ракоши выдвинутые против него обвинения и смогла бы дать им объективную оценку. Возможно, такая комиссия признает обвинения против Ракоши необоснованными или подтвердит их, а, может быть, сочтет ошибки Ракоши еще более тяжелыми. Однако объективный разбор дела мыслим только в Венгрии, где есть возможность использовать документы, а также людей, могущих дать пояснения по тем или иным вопросам.

Разбор дела Ракоши, продолжал он, должен происходить в объективной обстановке и людьми не субъективистски настроенными, во всяком случае, не в таком составе, какой приехал для беседы в Краснодар. Ацел сказал, что, видимо, Ракоши думает об его, Ацела, аресте и в свое время необоснованном осуждении. Однако Ракоши перебил Ацела фразой: "Не продолжайте дальше! То, что вы скажете, я знаю, а то, что я скажу, вы не знаете". Ракоши сказал, что имеет в виду другое. После опубликования 7 марта 1957 года в газете "Непсабадшаг" статьи Йожефа Реваи "За идейную чистоту" Ацел в мае месяце того же года выступил со статьей, в которой не скрывал своей личной неприязни к Ракоши. Такой человек не может быть объективным в разборе дела на лицо, к которому он питает личную неприязнь.

Ракоши в целом одобрил политику руководства ВСРП после 4 ноября 1956 г. "Оно сделало для страны много хорошего". Вместе с тем, по мнению Ракоши, есть вещи, с которыми он не может согласиться. По словам Ракоши, в стране утверждается дух социал-демократизма, до сих пор не дан во всех отношениях правильный ленинский анализ периоду, предшествовавшему контрреволюции и самим контрреволюционным событиям. Венгерские товарищи заметили, что причины мятежа были вскрыты еще в

декабре 1956 года и затем подтверждены в поздних партийных документах. Ракоши сказал, что вся беда и заключается в спешке, в условиях которой делались выводы о причинах контрреволюционных событий. Выдвижение на первый план ошибок прежнего руководства ВПТ являлось своего рода данью разыгравшимся страстям, вредно в своей основе. Выводы о причинах контрреволюционных событий должны быть точными и поучительными для всего международного коммунистического движения. Следует сделать так, чтобы венгерские события были единственными и никогда больше не повторились бы.

Из контрреволюционных событий венгерский рабочий класс, продолжал Ракоши, сделал вывод о том, что с партией шутить нельзя, крестьянство поняло, что в случае победы контрреволюции оно лишилось бы земли, а интеллигенция относительно своей судьбы в условиях социалистического режима пришла к выводу, который можно выразить словами пословицы: "Или привыкнешь, или сбежишь".

Венгерские товарищи спросили, с какими пунктами критики в адрес Ракоши он не согласен. Ракоши сказал, что он не согласен ни с методами, ни с существом критики в его адрес. Вся критика сводится к тому, что "до 1948 года Ракоши был хорош, а после 1948 года начался период культа личности, и Ракоши, и все, что делалось после 1948 года, было плохим". Такая общая критика представляет собой ни что иное, как пустую фразу, и ничего не объясняет. Критика должна быть конкретной. "Этого я и добиваюсь".

Прежде всего, продолжал Ракоши, должно быть полностью отменено обвинение в том, что в период пребывания его у власти была продана независимость страны, что он, якобы, торговал интересами венгерского народа. Т.т. Ацел и Ногради указали на абсурдность этого утверждения, поскольку после 4 ноября 1956 года такого обвинения не предъявлялось Ракоши, а, что касается контрреволюционного периода, то тогда делалось много всякого рода заявлений, которые не стоит принимать всерьез. Ракоши сказал, что заявления действительно делались "всякие", но далеко не "всякие" их делали. Кроме того, он может доказать, что подобные высказывания имели место и после 4 ноября.

Ацел и Ногради закончили разговор по этому вопросу утверждением, что подобного обвинения никто не предъявляет Ракоши.

Затем Ракоши сказал, что прежде чем перейти к другим пунктам обвинений, предъявленных ему, необходимо уяснить ряд весьма важных, на его взгляд, моментов. Венгрия, продолжал он, не являлась страной, особняком стоящей от развития других стран. Она была членом социалистического лагеря, поэтому и на нее распространялись общие закономерности, действовали общие источники. Дела в Венгрии шли не хуже, чем в других социалистических странах, и Венгерская партия трудящихся была не хуже других партий, а по сравнению с некоторыми – даже лучше. Совершенные в Венгрии после 1948 года ошибки были не тяжелее, чем в других социалистических странах. Все это еще раз указывает на существование "общих источников".

Индустриализация Венгрии, говорил Ракоши, была обусловлена серьезными причинами. Сталин, подчеркивая в свое время напряженность международной обстановки, указывал на необходимость создания сильной Венгрии, как государства социалистического лагеря, расположенного наиболее близко к западным странам. Сталиным была поставлена задача в несколько раз увеличить производство стали. А к стали нужен уголь, кокс, цемент, короче говоря, возник вопрос о развитии многих отраслей промышленности. В течение короткого периода была заложена база тяжелой индустрии. На замечание венгерских товарищей о чрезмерной индустриализации Ракоши ответил, что это меньшее зло, ибо, в конечном итоге, главным является создание социалистической промышленности в стране.

Венгерские товарищи напомнили Ракоши об ошибках и перегибах при кооперировании сельского хозяйства в Венгрии 1950–1952 гг. Ракоши назвал и это необоснованным, хотя заметил, что отдельные ошибки и были совершены. По словам Ракоши, кооперированию в Венгрии предшествовала тщательная и длительная подготовка. Венгерским посольствам в других социалистических странах было поручено собрать

подробные материалы об опыте кооперирования деревни в соответствующих странах. Примерно через полгода такие материалы были получены, обработаны, а положительный опыт использован с учетом венгерских особенностей.

Венгерские товарищи не согласились с Ракоши и указали на преобладание ошибок и перегибов в первоначальный период кооперирования сельского хозяйства, что в дальнейшем сильно затруднило решение задачи по социалистической перестройке сельского хозяйства. Ракоши стал энергично возражать против этого. Он сказал, что Венгрия среди других стран народной демократии первой пошла по пути кооперирования сельского хозяйства, и очевидность достигнутых успехов привлекла внимание немецких, болгарских, чешских, польских и других товарищей из народно-демократических стран, которые приезжали в Венгрию изучать опыт по социалистической перестройке деревни. Несмотря на оппортунистическую деятельность Имре Надя и его сторонников и контрреволюционный мятеж, в стране основное ядро производственных кооперативов осталось, убедительно доказало всю жизненность и силу идеи коллективного ведения хозяйства на селе. Именно это послужило прочной базой, хорошей основой успехов, достигнутых в деле кооперирования сельского хозяйства в Венгрии за последние годы. Нельзя забывать также и того, что в 1951–1952 гг. ВПТ впервые пошла по пути кооперирования. Огульной критикой деятельности ВПТ по социалистической перестройке сельского хозяйства "были затоптаны в грязь пот и кровь десятков тысяч партийных работников и членов партии, которые первыми начали решать эту трудную задачу".

В связи с перепалкой между Ногради и Ракоши последний предупредил Ногради поосторожнее вести себя с ним, с Ракоши. Ракоши сказал, что Ногради ведь как-то имел основание быть обиженным на Ракоши. Ногради поспешил перебить Ракоши и рассказал о следующем случае, из-за которого он обиделся на Ракоши. В 1951 г. Ракоши пригласил к себе Ногради и поручил ему переговорить с Фаркашем относительно возможности сокращения расходов на создание армии, хотя бы на 2 млрд. форинтов. При этом Ракоши предупредил Ногради быть осторожным при беседе с Фаркашем и не допустить, чтобы Фаркаш "озверел". Ногради сказал, что он охотно согласился выполнить это поручение, тем более, что в душе одобрял предложение о сокращении ассигнований на армию, но обиделся на Ракоши за его предупреждение. "Вот за что я действительно обиделся на Вас, тов. Ракоши. Выходит, Вы боялись Фаркаша", – закончил Ногради. Ракоши сказал, что он не боялся Фаркаша и вообще никого не боялся, но нужно было понимать положение последнего. С одной стороны, ему поручили создать сильную и боеспособную армию, а, с другой стороны, пытались ограничить в средствах. В связи с замечанием Ногради о чрезмерных расходах на армию Ракоши опять сослался на Сталина. По словам Ракоши, предложение об укреплении венгерской армии, а также и армий других стран народной демократии исходило от Сталина и диктовалось тогдашним развитием международного положения. Сталин говорил о приближении новой войны и особенно предупреждал Венгрию от опасности быть уничтоженной в первые же дни войны. На армию в те годы тратилось 16 млрд. фор., т.е. столько же, сколько сейчас составляет ежегодная сумма всех капиталовложений Венгрии. Эти мероприятия не могли не отразиться на жизненном уровне населения страны (венгерские товарищи упоминали также и о том, что чрезмерная индустриализация и создание непомерно большой армии отрицательно сказалось на благосостоянии народа). Естественно, продолжал Ракоши, нельзя было открыто говорить о подлинных причинах снижения жизненного уровня, да и сейчас было бы нецелесообразно раскрывать перед народом, например, полные данные о расходах на вооружение.

В ходе дальнейшей беседы Ракоши напомнил Ногради о другом случае, из-за которого, по словам Ракоши, у Ногради было больше оснований обидеться на Ракоши. Ракоши намеками дал понять Ногради, что имеет в виду преследования со стороны Ногради левых коммунистов-активистов Отечественного народного фронта, из-за чего Ногради имел неприятности от Ракоши.

Много времени заняли вопросы, касающиеся нарушений законности, допущенных до 1953 г. Ракоши не снимал с себя ответственности за нарушения законности, но в свое оправдание ссылался на "общие источники", на коллективное решение всех вопросов об арестах и предании суду, на неправильную информацию о преступных действиях привлекаемых к уголовной ответственности и т.д.

Трагедия заключалась в том, настоятельно подчеркивал Ракоши, что, привлекая к судебной ответственности невинных людей за совершение якобы политических преступлений, "мы были убеждены в их виновности и в том, что действуем в интересах партии". Это, в частности, на XX съезде КПСС говорил о Сталине и Н.С. Хрущев, заметил Ракоши.

"Так ли обстояло дело в отношении Райка и его товарищей?", – спросил Ацел. "А выспросите об этом у Кадара", – ответил Ракоши. Ракоши сказал, что он долго сомневался в виновности Райка до тех пор, пока не получил из Москвы готовый протокол допроса Бранкова, где говорилось о связях Райка с Тито. Вопрос об аресте Райка решал не один он, Ракоши, о чем хорошо знает Кадар, занимавший тогда пост министра внутренних дел. "Разве Кадар не был тогда убежден в виновности Райка?", – бросил Ракоши.

Далее, говорил Ракоши, после процессов над Костовым в Болгарии, Сланским в Чехословакии, Берманом в Польше он говорил с Живковым, Готвальдом, Берутом, и все они также были убеждены в виновности названных лиц. Более того, в 1956 г., уже после того, как в Венгрии встал вопрос о реабилитации Райка и его товарищей, Живков и Широкий в разговоре с ним, с Ракоши, подтвердили правильность осуждения Костова и Сланского, сказав, что нет никаких оснований поднимать вопрос о реабилитации их. А спустя пару месяцев весь мир узнал обратное.

Венгерские товарищи спросили, был ли Ракоши убежден в виновности Дьюлы Каллаи. Ракоши ответил утвердительно и сказал, что дело с Каллаи заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее.

В августе 1953 г., рассказал Ракоши, к нему поступило из тюрьмы заявление Каллаи, в котором последний полностью отрицал свою виновность и просил реабилитировать его. Письмо было очень подробным, более чем на 10 страницах, и звучало весьма убедительно. Ракоши, прочитав письмо за один присест, подумал, что оно может означать начало серьезного процесса и немедленно, в тот же день, направил его к Фаркашу с просьбой к утру доложить соображения. На следующий день по письму было начато расследование и в течение нескольких месяцев закончено. В результате Каллаи и другие по делу были освобождены. После реабилитации Ракоши пригласил к себе Каллаи и спросил у него, почему он не заявил о своей невинности раньше, например, во время судебного разбирательства. На реплику Ацела о том, что Каллаи боялся новых мучений, Ракоши ответил, что, как оказалось, вовсе не поэтому. Каллаи в беседе с Ракоши заявил, что он хотел заявить о своей невинности на суде, однако остальные подсудимые по делу – Кадар и другие – отказались сделать то же самое, а один пойти на такой шаг Каллаи, из чувства товарищеской солидарности, не захотел. Ногради заметил, что Ракоши мог бы и не узнать об отказе Каллаи от ранее данных показаний. Ракоши сказал, что он лично следил за процессом по делу Кадара, Каллаи и других, следовательно, быстро принял бы необходимые меры и еще тогда положил бы конец всему делу.

Ракоши решил оказать Каллаи всяческое содействие и поинтересовался, в чем он нуждается. Каллаи просил оказать помощь лишь в получении скромной квартиры. Однако Ракоши немедленно распорядился о предоставлении Каллаи хорошей квартиры, предоставил ему библиотеку, побеспокоился о компенсации, а также предложил назначить Каллаи на ответственную должность. Таким образом, разом уладил все личные дела Каллаи.

Венгерские товарищи стали обвинять Ракоши в поддержке такого нечистоплотно-го человека, как бывший руководитель МВД Петер Габор. (Ошибка в тексте. П. Габор был руководителем УГБ. – В.М.). Ракоши дал резко отрицательную характеристику Габору. Подчеркнул, что не хотел держать его на этом посту, но что Габора поддерживали Сталин и Берия, и он, Ракоши, был бессилен что-либо предпринять против Габора.

На вопрос Ацела Ракоши ответил, что он не знал об аресте Ацела, и что об осуждении Ацела ему стало известно значительно позже. Ацел не поверил Ракоши.

Примечание: Какой-то период перед арестом Ацел работал первым секретарем Бараньского обкома партии, но, судя по беседе, Ацел, видимо, сначала был освобожден с поста секретаря обкома партии, а уже потом подвергнут аресту. Ракоши лично знает Ацела. Например, когда он увидел Ацела, то сказал, что, узнав об усатом человеке (Ацел носит усы), который ждет его в крайкоме партии, сразу догадался, кто приехал к нему. На вопрос Ацела: "А разве мало в Венгрии людей с усами?", Ракоши ответил: "А я знаю, какого усатого человека могут прислать ко мне".

Ракоши расценил арест Фаркаша ошибкой. Он охарактеризовал Фаркаша способным организатором, совершавшим ошибки вместе с другими под влиянием "общих источников".

В ходе беседы венгерские товарищи бросили Ракоши упрек в терпимом отношении к Имре Надю. Ракоши уцепился за произнесенное имя Имре Надя и стал в резкой форме обвинять отдельных нынешних руководителей за их ранее оказываемую поддержку Надю. Ракоши сказал, что он давно разделался бы с Надем, не хотел допускать его до власти, но Надя "посадили ему на шею из Москвы". Не называя имен, Ракоши рассказал об одной беседе с советскими товарищами в Москве, на которой Ракоши был подвергнут критике за стремление избавиться от Надя. Ракоши сказал, что он всегда считал Надя правым оппортунистом, врагом и последовательно боролся против него. Свое отношение к Надю он подкрепил ссылкой на решение ЦК ВПГТ о восстановлении Надя в партии, опубликованное в середине октября 1956 г. в венгерской печати. Ракоши привел фразу из этого решения, в котором говорилось, что в исключении Имре Надя из партии и в том, что Надя не находится у руководства страны "большую роль сыграл лично Ракоши". Ракоши сказал, что полностью согласен с этим.

Венгерские товарищи напомнили о заслуженной каре, которую понес Надя. Ракоши на это сказал, что выступавшие заодно с Надем остались не только нетронутыми, но даже находятся в руководящих партийных органах. Ракоши не согласился с замечанием Ногради о том, что сторонники Надя тоже были привлечены к уголовной ответственности и осуждены. На вопрос, кого он имеет в виду, кроме Фехера (имя члена Политбюро ЦК Лайоша Фехера как бывшего сторонника Надя первыми назвали Ацел и Ногради), Ракоши ответил, что он думает не только о Фехере, а, например, об Антале Апро, Карое Кишше и некоторых других. Ракоши добавил, что он не имеет в виду Кадара, который, не без иронии произнес Ракоши, не был осведомлен о подлинные намерениях Надя и узнал о них лишь после контрреволюционного мятежа. Говоря о сообщниках Надя, осужденных по одному делу вместе с последним, Ракоши сказал, что эти люди – Лошонци, Харасты, Гимеш – были простыми журналистами, маленькими фигурами, заслуженно сидели в тюрьме и были освобождены из нее лишь накануне событий.

Ацел спросил у Ракоши, кому он верит из членов ЦК ВСРП. Ракоши хитро засмеялся и ничего не ответил.

Ракоши отрицал факт послышки в ЦК КПСС в начале 1957 г. заявления с характеристикой членов руководства ВСРП. Ракоши утверждал, что он обращался с письмом не в ЦК КПСС, а лично к тов. Хрущеву и категорически отрицал употребление по адресу Кадара и других руководителей эпитетов "ревизионисты" и "титовцы".

Неожиданно Ракоши спросил, почему не был приговорен к смертной казни Копачи. (В период мятежа Копачи был начальником Будапештской полиции, снабдил мятежников оружием и боеприпасами, судился вместе с Надем и приговорен к 20 годам лишения свободы). Ногради и Ацел, отвечая, пояснили, что Копачи был "простым" исполнителем, кроме того, были приняты во внимание заслуги отца Копачи, как старого коммуниста. Ракоши засмеялся, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и перешел на другую тему.

Ракоши обвинил нынешнее руководство ВСРП в нежелании проанализировать и сделать правильные выводы из периода непосредственной подготовки к контрреволюционному выступлению в стране, т.е. между 18 июля 1956 г., когда на пленуме ЦК

ВПТ Ракоши был освобожден с поста первого секретаря ЦК партии, и 23 октября того же года, когда начались контрреволюционные события. Этого требуют, подчеркивал Ракоши, интересы не только венгерского, но и всего мирового коммунистического движения. "Я не считаю случайным тот факт, что замазан анализ именно этого периода", – сказал Ракоши. Он назвал этот период позорным, обвинил тогдашнее руководство партии в воскрешении деятельности кружка им. Петефи, в деморализации рядов партии, в организации похорон Райка, наконец, в роспуске партии.

В связи с затронутым вопросом о роспуске партии, Ацел сослался на тяжелую обстановку в партии и стране, сложившуюся осенью 1956 г. На вопрос Ракоши по поводу роспуска партии в 1943 г. Ацел ответил, что этот роспуск был обоснованным.

Ногради спросил, знал ли Ракоши что-нибудь о трупах Райка и других. Ракоши ответил, что был уверен в невозможности найти труп Райка и других, т.к. ему докладывали в свое время об уничтожении их.

По словам Ракоши, в конце сентября 1956 г. он направлял в ЦК ВПТ письмо, в котором указывал на опасный характер развития событий, советовал готовить рабочий класс, создавать дружины, настоятельно требовал немедленно взять в руки партии печать и радио, предупреждал, что в противном случае в 2–3 недели может вспыхнуть мятеж. Однако с Ракоши не согласились, сказали ему, что он оторвался, не знает обстановки в стране. В происшедшей в связи с этим перепалке Ракоши заявил, что в период контрреволюционных событий советские товарищи советовались с ним и не без его, Ракоши, советов советские войска пришли на помощь венгерскому народу, а во главе партии оказался Кадар. Ногради намекнул, не много ли значения Ракоши придает своей роли и вообще личности. На это Ракоши ответил примерно следующее: "Я являюсь единственным оставшимся в живых основателем Коммунистической партии Венгрии, 16 лет просидел в тюрьме, пережил два судебных процесса, вел себя на них так, как этого требовали интересы международного коммунистического движения, под моим руководством победила революция в Венгрии, и не под моим руководством была совершена контрреволюция в стране".

В подтверждение положительного отношения к нему со стороны советских товарищей, накануне его ухода с поста секретаря ЦК партии, Ракоши сослался на посещения Венгрии в мае и июле месяцах 1956 года т.т. Сусловым и Микояном и их высказывания с высокой оценкой его деятельности.

Ацел спросил у Ракоши, признает ли он какие-либо за собой ошибки. Ракоши ответил утвердительно. Тогда Ацел попросил Ракоши представить для ЦК ВСРП письменное самокритичное заявление. Ногради дал понять, что это лишнее дело. Ракоши же сказал, что абсолютно бесцельно тратить время на написание такого заявления, поскольку он выступил с самокритикой еще 7 лет тому назад на июньском (1953 год) пленуме ЦК ВПТ. Если взять его, Ракоши, речи, выступления, начиная с июня 1953 года, то в них можно найти ответ на этот вопрос. Причем, эта самокритика была настолько острой и полной, что советские товарищи назвали ее самобичеванием и посоветовали впредь выступать с более умеренными самокритичными заявлениями.

Ногради обвинил Ракоши в нежелании сделать в 1956 году выводы из XX съезда КПСС. Наивно думать, ответил Ракоши, что исправление ошибок в Советском Союзе и других социалистических странах началось в марте 1956 года. Этот процесс был начат еще в 1953 году, сразу же после смерти Сталина, когда началась новая эпоха в коммунистическом движении. В Советском Союзе еще до 1956 года многое уже было исправлено. На XX съезде были подведены лишь итоги и намечены дальнейшие задачи. То же самое можно сказать и о Венгрии, где XX съезд был начат еще в июне 1953 года.

Венгерские товарищи стали обвинять Ракоши в нарушении ленинских норм партийной жизни, в создании обстановки, при которой все боялись выступать против Ракоши, возражать. Ракоши перебил их контрвопросом: "А каково положение в ЦК ВСРП в настоящее время?". Ацел сказал, что любой член ЦК может спокойно выступать с критикой в адрес любого руководителя. Ракоши задал еще один вопрос: "Даже по любому из вопросов, затронутых в нашей беседе?" Ацел ответил утвердительно. Тогда Ракоши

спросил: "А что у вас произошло с Дегеи?". Ногради стал объяснять причины исключения Дегеи из состава ЦК и, в частности, сказал, что Дегеи не был согласен с политикой партии. Ракоши перебил его репликой: "За высказанное мнение в партийном порядке не наказывают". Ногради согласился с Ракоши и сослался на фракционную деятельность Дегеи, за что последний и был выведен из состава ЦК ВСРП.

Во время беседы Ракоши много раз возвращался к вопросу о предоставлении ему возможности вернуться на родину. Уже в самом начале ему дали понять, что он должен остаться в Советском Союзе. В заключение беседы венгерские товарищи решили официально сообщить ему решение ЦК о дальнейшем положении Ракоши. Сообщение состояло из 3 пунктов:

- 1) Ракоши остается в Краснодаре и не должен питать никаких иллюзий относительно возможности возвращения в Венгрию.

- 2) Выезд из Краснодара может иметь место только с разрешения ЦК ВСРП и вообще по любым вопросам, которые впредь будут возникать у Ракоши, он должен обращаться только к ЦК ВСРП.

- 3) Всю переписку, включая и с родственниками, Ракоши должен осуществлять только через венгерское посольство в Москве.

На это сообщение Ракоши реагировал весьма бурно, раздраженно, назвал решение неслыханным, омерзительным, бесподобным. Он кричал, что нынешнее руководство ВСРП узаконивает ссылку членов партии как меру партийного наказания. "Назовите мне другой подобный пример, когда какая-нибудь коммунистическая партия изгнала бы в вечную ссылку своего члена партии?", – спросил Ракоши. Ацел и Ногради сразу оба назвали Ван Мина. Ракоши сказал: "А спросите у Ван Мина, хочет ли он возвратиться в Китай? Во-первых, он не хочет возвращаться в Китай, а я хочу; во-вторых, Ван Мин выехал из Китая в 30-е годы, когда в Китае еще не победила народная революция, у него может быть русская жена, русские дети, наконец, масса других моментов, которые делают положение Ван Мина совершенно иным по сравнению с моим".

Ракоши спросил у венгерских товарищей, почему его не хотят пустить в Венгрию. "Ведь партия едина, крепка, почему же тогда вы боитесь одного человека?". Ракоши добавил, что по многим соображениям он уже не может быть у власти, что главная его цель – это написание мемуаров, для чего ему нужно жить в Венгрии, иметь доступ к документам и по мере необходимости встречаться с людьми, которые были очевидцами событий из истории коммунистического и рабочего движения.

Ногради, заметив, что партия не боится Ракоши, начал объяснять мотивы, упомянутого решения ЦК о Ракоши, сказав, что Ракоши не будет вести себя спокойно, т.к. он не такой человек, а это может привести к фракционной деятельности, породит тягу к Ракоши обиженных, его знакомых. В этой связи Ногради отметил наличие определенных трудностей в идеологической, экономической областях, что создает почву для своего рода фракционной деятельности.

Ацел перебил Ногради и стал говорить о том, что Ракоши небезопасно возвращаться в Венгрию, так как в стране сильна ненависть к нему и что даже в интересах его личной безопасности есть смысл остаться ему в Советском Союзе.

Ацел начал приводить факты из выступлений против Ракоши во время контрреволюционных событий и после них. Ракоши ответил ему, что было бы удивительно, если бы после такой кампании клеветы против него в Венгрии на всех перекрестках кричали: "Да здравствует Ракоши!". Ракоши сказал, что он получает из Венгрии много писем, в том числе и коллективные. Совсем недавно к нему пришло письмо от одного рабочего. Рабочий присутствовал на одном докладе Марошана, в ходе которого Марошан рассказывал слушателям, что в свое время Ракоши, якобы, запрещал ему, Марошану, как члену Политбюро ЦК, пить "фрёч" (легкий состав вина с газированной водой) с шофером. Ракоши хотел даже обратиться в Центральную партийную контрольную комиссию ЦК с просьбой привлечь Марошана к партийной ответственности за клевету, но затем передумал, так как знает, что это было бы бесполезным делом.

Ногради сказал, что беспокойное поведение Ракоши в Венгрии поставило бы венгерских товарищей перед необходимостью организации над Ракоши третьего процесса, сделать его обвиняемым. "Как можно сделать меня обвиняемым, когда я уже осужден, и осужден на вечную ссылку!", – буквально потрясая кулаками, вставил Ракоши.

На сообщение о порядке дальнейшей личной переписки Ракоши реагировал особенно раздраженно, бурно. Он закричал, что решительно протестует против этого неслыханного и изуверского решения и в знак протеста объявляет о прекращении переписки с родственниками до тех пор, пока это чудовищное решение не будет отменено. Ненависть к Ракоши затуманила ваши головы, вы потеряли остатки трезвости и реальности в оценке вещей, история зло посмеется над вами. Ракоши назвал условия, в которые он поставлен, худшими, чем во времена его пребывания в хортистской тюрьме. "Тогда я имел право свиданий и непосредственной переписки с родственниками. Сейчас вы лишили меня даже этого. Вы же цензурите мою переписку, разве вам этого мало?". Ракоши сказал, что ему не разрешили приехать в Будапешт на похороны родного брата. Совсем недавно, продолжал Ракоши, был уволен из технического (слово "технического" Ракоши подчеркнул) института его родной брат. Ацел заметил, что, видимо, из-за недостаточной квалификации. "Конечно, из-за слабой подготовки, а не потому, что он является братом Ракоши", – сказал Ракоши.

Ракоши назвал свое настоящее положение унижительным, так как до сих пор не получил даже паспорта. "Вы сделали меня человеком без тени". Он привел несколько случаев, когда у него спрашивали документы, и он, не имея их, вынужден был объяснять, что он, мол, есть Ракоши, живет без документов, так как ему их не дают и т.д.

Ракоши сказал, что за последние 4 года его только критиковали и ни разу не выслушали, хотя пошел уже пятый год его пребывания в ссылке. "Рано или поздно кризисное состояние заставит вас еще вернуться к делу Ракоши".

Вместо облегчения, сказал Ракоши, его положение еще более усугубляется. Он спросил венгерских товарищей о причинах, заставивших их спустя 4 года после контрреволюции, пойти на дальнейшие меры по ограничению его положения. Ацел и Ногради указали на его неправильное поведение, на нарушение решения ЦК, выразившееся, в частности, в выезде в Москву без разрешения ЦК ВСРП. Ракоши ответил, что его до сих пор не познакомили с упомянутым решением ЦК ВСРП, и что никто не запрещал ему выезжать из Краснодара. Ракоши сказал, что он не может больше оставаться на таких условиях в провинциальном городе Краснодаре и требует разрешить выезжать в другие города Советского Союза. "Почему я не могу совершить поездку в Польшу, Чехословакию или в какую-либо другую страну?".

На вопрос венгерских товарищей, правильно ли они его поняли, что он ставит вопрос о разрешении поселиться в другом городе Советского Союза, Ракоши ответил: "Нет, неправильно. Для меня весь мир – Краснодар! Я хочу в Венгрию. В противном случае, предоставьте мне возможность покинуть Советский Союз".

Сославшись на записку Болдоцкого (посла. – В.М.) в ЦК ВСРП о посещении Ракоши в июле с.г. венгерского посольства в Москве, венгерские товарищи спросили у Ракоши, намерен ли он посетить Китай в связи с приглашением, полученным им еще до контрреволюционных событий. Ракоши ответил, что ему неизвестно содержание сообщения Болдоцкого о разговоре с ним, с Ракоши, но глупо считать Ракоши настолько наивным человеком. Ракоши получил приглашение Мао Цзэ-дуна еще в 1954 г., когда Ракоши был еще первым секретарем ЦК ВПТ. Ракоши отдает себе отчет в том, что в настоящее время это приглашение недействительно. Кроме того, заметил Ракоши, он понимает, какое значение придали бы посещению Ракоши любого руководителя коммунистической партии. Если Мао Цзэ-дуну сообщали, что якобы Ракоши хочет посетить Китай на основе этого приглашения, то он, Ракоши, считает себя обязанным написать Мао Цзэ-дуну письмо с разъяснением своего отношения к этому вопросу. В дальнейшем Ракоши отказался от намерения обратиться к Мао Цзэ-дуну с письмом.

Заслуживает внимания реакция Ракоши на фразу, сказанную, кажется, Ногради по поводу замены месяц тому назад Болдоцкого новым послом Ревесом. Ракоши сказал: "Болдоцки фактически был смещен несколько лет тому назад, а месяц назад лишь формально".

Когда венгерские товарищи сообщили Ракоши о порядке дальнейшей переписки – только через венгерское посольство в Москве, он спросил у них, можно ли ему позвонить по телефону в Венгрию родственникам. Венгерские товарищи смешались, так как эта деталь не была учтена ими заранее и, немного посоветовавшись, разрешили Ракоши звонить в Венгрию.

Ракоши сказал, что он не ведет никакой переписки с иностранцами, не отвечает на письма, которые приходят к нему из Венгрии. Когда умер Кашен, он послал телеграмму соболезнования, а на смерть Поллита решил не посылать телеграммы во избежание недоразумений. Хотя и тот, и другой были его близкими личными друзьями.

По поводу своего материального положения Ракоши никаких жалоб, просьб не высказал, он лишь подчеркнул, что для него это не главное, 16 лет тюрьмы достаточно закалили его.

По предложению венгерских товарищей, Ракоши высказал в адрес ЦК ВСРП следующие просьбы (помимо тех, которые были высказаны им в ходе беседы):

- а) разрешить посетить венгерскую выставку в Москве;
- б) выдать ему паспорт;
- в) разрешить выезжать из Краснодара, в частности, посещать другие города Советского Союза.

В связи с неоднократно высказанными Ракоши сомнениями относительно того, что его положение, пребывание в Краснодаре целиком зависит от ЦК ВСРП, а не от ЦК КПСС, и все, что делается для него, делается по просьбе венгерских товарищей, я счел необходимым со своей стороны внести ясность в этот вопрос и сказал Ракоши, что, несмотря на факт его пребывания на территории Советского Союза, вопрос о Ракоши целиком, полностью является делом ЦК ВСРП, куда и следует обращаться по всем вопросам. ЦК КПСС, делая что-либо для Ракоши, всего-навсего выполняет лишь просьбы венгерских товарищей.

Товарищи Ацел и Ногради после беседы с Ракоши поблагодарили меня за разъяснение и сказали, что оно было полезным.

Примечание: По всему было видно, что беседа с Ракоши произвела большое впечатление на венгерских товарищей. И Ацел, и Ногради были единодушны в том, что возвращение Ракоши в Венгрию нежелательно. Хотя, как заметил Ногради, Ракоши заметно постарел, его здоровье позволяет ему быть достаточно активным, а он по природе своей не такой человек, который сидел бы сложа руки.

Во время беседы я дважды хотел оставить венгерских товарищей одних, но в обоих случаях Ногради просил меня не уходить. Об определенном накале беседы свидетельствует такой факт: Ацел неосторожно открыл бутылку с водой и сильно порезал себе руку. Я поднялся вызвать врача, а Ракоши сказал мне вдогонку: "Обязательно вызовите врача, чтобы засвидетельствовать порез от бутылки, иначе подумают, что здесь произошла поножовщина, и Ракоши зарезал Ацела". Когда пришел врач и сестра, то Ацел отказался выйти из кабинета, и перевязка была сделана ему на месте, не выходя из кабинета.

Ацел в частной беседе со мной отметил ум Ракоши, его заслуги в прошлом. "Если бы Ракоши умер в 1948 году, то ни одна историческая фигура Венгрии не могла бы сравниться с ним", – сказал Ацел.

Ацел и Ногради в беседе между собой считали нецелесообразным ухудшать материальные условия Ракоши. Они намеревались поставить в ЦК ВСРП вопрос о возможности отменить ограничения в переписке с родственниками, как в определенной степени крайней меры и разрешить ему переписываться с ними непосредственно.

Ацел сказал мне, что он думает составить две записи беседы с Ракоши: одну – подробную – для узкого круга, другую – краткую – для, возможно, более широкого круга руководящего звена.

Беседу записал
Референт Отдела ЦК КПСС

(Крючков)